

A stylized map of Russia is centered on a white rectangular background. The map is primarily red, with a large yellow triangle superimposed over its central and northern regions. The entire composition is set against a textured orange and red background.

Павел Парфин

**Посвящение
в Мастера**

Павел Парфин

Посвящение в Мастера

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150421

Аннотация

Книга Павла Парфина «Посвящение в Мастера» – путешествие по загадочному лабиринту искусства.

Действие происходит в 2000-х годах в обычном украинском городе. Художник-керамист Вадька Ходасевич, отправившись 8 марта на персональную выставку знакомой художницы Катарины Май, становится свидетелем невероятного открытия – гибкой керамики, которая во время сгибания не трескается и не ломается. Ходасевич одержим желанием узнать секрет загадочной керамики, попадает в авантюрное приключение, в котором смешаны детективная история, любовь, мистика, философия, вакханки, древнегреческая мифология, эзотерические обряды и неожиданное погружение в историю культуры Древнего Вьетнама...

На протяжении всего действия Ходасевич и Катарина много и неожиданно рассуждают об искусстве, музе и вдохновении. В повести много диалогов, игр смыслов и слов, но также много действий, необычных ситуаций, перформансов с переодеваниями и танцами, драк и секса.

Шаг за шагом, приобщаясь к сакральным тайнам и знаниям, герой становится Мастером. Хотя, по большому счету, он сам и жизнь его остаются прежними.

В конце концов, после всех замысловатых приключений и мытарств Ходасевич выясняет: для того чтобы глина была гибкой и упругой, в нее нужно добавить... человеческую кровь.

Содержание

1	9
2	15
3	23
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Павел Парфин

Посвящение в Мастера

* * *

Он проснулся между двумя мартовскими утрами. Одно нежилось, отражаясь в двери, на две трети застекленной светло-коричневым, цвета его старенького больничного одеяла, стеклом. Отражение было очень уютным, оно согревало его взгляд и воображение. Там было... Да в общем-то, ничего особенного – светло-шоколадное небо, крыша дома напротив, на которой топленным молоком разлился утренний свет, да крона большого, цвета кофе с молоком, дерева. Вот это дерево, точнее его отражение, пожалуй, и было самым примечательным в первом утре. Дерево казалось одушевленным. Возможно, это ощущение возникло у больного из-за явного сходства дерева с головой человека, а если быть совсем точным – с головой старика, лежавшего сейчас на соседней койке. В самом деле, кремовые хлопья снега на пышной кроне делали дерево похожим на старика, намылившего одновременно голову и лицо. Казалось, сейчас он побреется и предстанет таким молодцом!

Внезапно уютную гармонию утренней композиции нарушила девочка или девушка – пойдя разберись среди нечет-

ких линий в отражении на дверном стекле! Стоило ей только появиться в отражении (причем она возникла в нем не со стороны окна, откуда падал свет, а из глубины больничного коридора), девочка тут же подчинила себе всю композицию – небо, крышу, человекоподобное дерево. Так и иная женщина, оказавшись вдруг в мужском коллективе, увлекает за собой их сообщество, до этого момента вроде бы сплоченное, вроде бы обладающее волей и собственным взглядом на мир. Вроде бы не царица, но начинает править мужчинами властно, подчиняя их «я» своему ego, забавляясь их сексуальностью, как того хочет ее libido.

Ни в чем не повинная девочка или девушка находилась в отражении первого утра секунды три и исчезла, пройдя сквозь дерево, будто сквозь горло бреющего старика. Не то лакомым куском, не то бритвой. Обычное вроде бы дело – исчезнуть из отражения. Но то вдруг вдогонку девчонки покрылось сетью морщин – узких горизонтальных полос, полных, как огородные грядки всходами, светло-коричневыми точками. Полосы, по очереди вспыхивая в течение нескольких секунд, то бежали друг за дружкой стройными рядками, то начинали теснить, налезать одна на другую, скрещиваться и пропадать. Творилось что-то несусветное! Словно кто-то торопливо пытался подписать пейзаж на двери...

От дальнейшего тупого глазения на дверь больного отвлек внезапный всхрап – резанул по нервам и тут же стих. Больной невольно вздрогнул и перевернулся на живот. Второе

утро, смурное и холодное, стояло в изголовье его кровати. Тыкнувшись стеклянным взглядом в белый лоб больного, в его казенное ложе с родинкой на железном боку – табличкой с номером «три», второе утро недовольно уставилось на своего антипода – отражение на двери. Принялось лупцевать его колючими лучами, будто розгами, пытаясь подчинить себе, заставить отражение соответствовать суровой реальности. Какое там! Второе утро продолжало светиться уютным светло-шоколадным светом. А больной, догадываясь о том, что творится за его спиной, подумал: дай он сейчас второму утру в стеклянный глаз, и тот разобьется, а вместе с осколками оконного стекла в палату хлынет ясный мартовский свет и сольется в восторге со своим отражением... Но больной, хоть и числился здесь психом, не стал разбивать окно.

Палату вновь взорвал оглушительный храп. Он все набирал силу, обещая быть продолжительным, как июльская гроза. Больной не выдержал, вскочил на ноги, подбежал к храпевшему. То был старик, жалко скрючившийся на краю кровати, поджавший колени к подбородку, как ребенок в материнской утробе. Больной с кровати под номером «три» не церемонясь перевернул старика на другой бок. Тот во сне придвинулся к стенке, зачмокал губами все так же по-детски и затих. Будто и не храпел ужасно полминуты назад. Больной пару секунд рассматривал лицо старика, покачал головой, удивляясь его поразительному сходству с деревом. Заметил под ногой старика смятый лист бумаги, исписанный

по центру короткими строчками. Не любитель читать, все же полюбопытствовал, что там насочинял сумасшедший старик. Быстро пробежал по листку глазами, спотыкаясь на пустотах, где должны стоять знаки препинания, и решил, что это вроде и не старик написал, а... он сам. Но когда он успел?

«...В весенний день матриархата Спешим на рынок за цветами Духами бусами чулками Спешим от мужа и до брата
Что в самом деле нас толкает На столь отважное решение
Вам угодать без промедленья Пока день этот не растает Че-
го лукавить Вы прекрасны Когда вас холят и лелеют Когда
вас любят и не смеют Вас озаботить понапрасну Но Но нам
не справиться с мгновеньем Проходит день матриархата В
календаре восьмое марта И тает наше вдохновенье...»

Тихо отворив дверь с табличкой «№ 18», больной вышел в коридор – ему хотелось поделиться с кем-нибудь своим впечатлением. Если бы он хоть на миг мог отвлечься от мыслей о прочитанном, если бы он, выходя в коридор, хоть бы краем глаза взглянул на дверь, то наверняка распознал бы в полосах, до сих пор будораживших отражение, отдельные слова и даже обрывки фраз: «...газеты... редко читал газеты... Вадька Ходасевич... больше слушать...»

Вадька Ходасевич редко читал газеты. Он вообще мало что читал, предпочитая больше слушать. Даже когда сам говорил – особенно в те минуты, когда на него находило болтливое настроение, будоражащее ум и заставляющее без устали лопатить язык, – Ходасевич ловил себя на мысли, что с интересом слушает свой голос. В эти редкие минуты его собственный голос казался Вадьке плотным и сочным, как мясо. И Вадька с удовольствием пережевывал свой голос. А иногда, увлекаясь чьим-нибудь особенно необыкновенным рассказом, Ходасевич забывался настолько, что переставал различать грань между рассказанной реальностью и реальной жизнью. Правда, как ни странно, до сих пор жизнь оказывалась круче любого выдуманного рассказа.

Нина Ходасевич, с опаской наблюдая за тем, с какой жадностью слушает ее муж, не раз предупреждала его, что тот плохо кончит. Вадька молча пожимал плечами и упрямо отказывался читать. С некоторых пор, оправдываясь перед женой, читавшей, наоборот, много и вроде бы со знанием дела, Вадька говорил всегда одно и то же: мол, руки его в красной глине и, если он возьмет газету, то обязательно испачкает белые, как края чистой простыни, уголки ее страниц. Вадька знал, что жена до панического ужаса не переваривает пятен красного цвета, отчего-то сравнивая их со следами крови.

Нина Ходасевич любила «Данкор». Почти каждый четверг она покупала его из-за телепрограммы, которую изучала в течение запрограммированной теленедели, и острых и опасных, как лезвия мужа (которыми она иногда подбрасывала подмышки), анекдотов Растворцева.

Сегодня была среда 8 марта. Нинка вернулась с рынка, из пакета, набитого всякой снедью, украшенный султаном зеленого лука, торчал свернутый в трубку «Данкор». «Даже газета сделала нам, жинкам, приятное – вышла на день раньше. А ты!., – упрекнула жена Ходасевича, родившего ей к празднику лишь скуповатый, как мужские слезы, букетик подснежников. – Хоть бы картошки нажарил!» Когда жена таким вот образом припирала Ходасевича к стенке, требуя исполнения хозобязанностей, Вадька голосом, как ему представлялось, театрального Чацкого (как-то Ходасевич смотрел телепостановку полузабытого со школьных времен грибоедовского «Горя...») восклицал: «А музы кто?!» В глубине души и на кончиках пальцев Ходасевич считал себя на все руки мастером. Жена была другого мнения: «В беся ты мастер!» Истина находилась посередине. Ходасевич не часто, но «забашлял», как он сам выражался. Однако делал это таким необыкновенным, прямо сказать, эпатажным способом, что клиент, раз обратившись к Ходасевичу, в другой раз с опаской обходил его стороной.

А клиенты попадались как на подбор. Один – молодой, поднявшийся на темных кредитах бизнесмен, такой груз-

ный, что, казалось, он держит деньги не в банке, а собственном брюхе. Ходасевич установил в доме бизнесмена, его туалетной комнате, в которой мог бы развернуться, наверное, микроавтобус, плод своего творенья – исключительно ручной работы керамический унитаз. Лепнина в виде губастых розочек и отдающих губ украшала чудо-унитаз по всей его поверхности. Но «гвоздем» унитаза стал его свисток. Ходасевич и себе-то не мог объяснить, на хрена он имплантировал настоящий судейский свисток в роскошное тело «толчка». Новосумский толстяк страдал попеременно запором и расстройством желудка и отводил душу по ночам. В полночь он оглашал дом под модной металлочерепицей пронзительным, надрывным свистом, приводившим в трепет даже ночной милицейский патруль, если он в этот момент вдруг оказывался под окнами толстяка. Менты, которым было велено охранять покой молодого буржуя, прислушивались к дикому свисту и, косясь на окна, машинально отдавали честь.

Жена второго «нового сумчанина»... Точнее, старого номенклатурщика, сумевшего легко воскреснуть в коридорах новой городской власти и теперь живущего припеваючи на доходы от взяток и других добровольных приношений, регулярно поступающих от незадачливых местных бизнесменов, вечно открывающих, закрывающих и перерегистрирующих свои фирмы. Так вот, жена (естественно, далеко не первая по счету) старого, но еще вполне крепкого, способного подмять под себя не только фригидную супругу, но и четырнадцати-

летнюю уличную дрянь, чиновника тайком от мужа попивала ночной коньяк. Как это не удивительно, но от пристрастия к хмельному деликатесу ее отучили ужасные Вадькины фишки. Старый козел заказал Ходасевичу облицевать плиткой его по-мещански навороченную кухню, и, когда Вадька понял, что ему здесь хрен заплатят, он обложил один край стены... ритуальными масками, вылепленными им в часы давнего вдохновения. Пару раз встретившись взглядом с налившимися кровью глазницами глиняных монстров и решив, что у нее началась белая горячка, чиновничья жена невзлюбила коньяк и перестала совершать ночные вылазки на кухню. Правда, маски после этого случая какое-то время продолжали излучать яростный кровавый свет. Пока не погасла за окном неоновая реклама «Индезит», мерцавшая ядовитым алым огнем.

Последние две недели у Ходасевича наблюдался творческий застой: глина не внимала его сонному сердцу, говорившему с ней заплетающимся языком пальцев.

Месяц тому назад Ходасевич получил и быстренько слепил несложный заказ – сервиз для немецкой овчарки и двух персидских котов. Заказ этот случайно обрушился на Вадьку от богатого и нетребовательного клиента. Заработав шальную тысячу десятую новенькими, как женские прокладки, купюрами, Вадька пребывал в сонной рассеянности и самодовольно поглядывал на мир, в ответ корчивший ему постную мину при скучной игре. Муза крепко осерчала на Хо-

дасевича, сильно хлопнула дверью (правда, Вадька этого не заметил) и куда-то ушла. Вот уже восемь дней подряд она не ночевала в душе, волочась, наверное, по душным вокзалам или бедным хибаркам, отданным внаем нищим художникам.

На душе было так пусто, сонно и тихо, что, не в силах вернуть вдохновение, Ходасевич решил нарваться на семейный скандал. «Другого выхода нет. Стресс должен возбудить меня», – подумал Ходасевич и взял в руки, испачканные красной глиной, «Данкор». Гончарный круг Ходасевича по-прежнему занимал одну восьмую часть кухни, постоянно путаясь под ногами жены. На круге уродливой пагодой застыла глиняная масса. В тот момент, когда Вадька измазанными в глине руками открыл свежий номер газеты, Нинка варила борщ. Она налила в сковороду подсолнечного масла, высыпала тертую морковь и мелко нарезанные лук и свеклу и уже собралась было добавить ложку-другую краснодарского соуса, но, будто почуяв неладное, бросила взгляд через плечо и увидела, как Ходасевич оставляет ужасные красные пятна на белых уголках газеты. «Ну не сволочь ли! – вспылила Нинка и метнула ложку краснодарского соуса на круг с бесполезной глиной, да тут же пожалела. – Красное на красном не видать. Надо было майонезом!» Пускай хоть сметаной вперемежку с огуречным рассолом – Вадька все равно ничего бы не заметил. В эту минуту его внимание оказалось прикованным к крошечному объявлению на странице «Досуг и развлече-

ния»:

«8 марта в баре „Собака баска Вилли“ откроется персональная выставка художника-керамиста Катарины Май „Времени запор“. Настройтесь на сенсацию! Нач. в 17.00».

От шальной пухленькой тысячи осталось штук шесть тонких и сухих, как высушенный лист подорожника, десяти долларовых бумажек, в которые он перевел последние свои гривни. Поискав потайное местечко на своем теле или в одежде, Вадька спрятал деньги в трусы, рядом с мужским хозяйством – не вытащит никто (кроме разве что неотразимой б..., которой он и так с радостью отдаст) да и сам, если что, случайно не просрет...

Ходасевич, сплюнув на дорогу, поймал такси. В салоне радиомужчины пели о любви: «Лодочка, плыви в озере зари, но только о любви ты мне не говори. Лодочка, плыви – и не надо слов – по реке любви под парой парусов». За рулем сидела женщина лет 35–40, спрятавшая очевидную красоту высокоскулого лица за мужским имиджем. «Вот те на!» – невольно вырвалось у Ходасевича. Он секунду колебался, садиться ли вообще. Но таксистка глянула на него таким цепким взглядом, так хватанула им (не у всякого мужика хватка рук такая), что Ходасевич сначала обмер, как кролик перед удавом, а потом подался вперед, будто водительница и вправдухватила его за грудки.

– Ну ты, потише! – опешил Ходасевич.

– Садитесь. Чего вы стали? – мягко приказала таксистка. – Довезу как надо. Куда вам?

– Не знаю, – вырвалось неожиданно у Ходасевича. Отвешав взгляд от непонимающих и, как показалось ему, одновременно все понявших женских глаз, он проворчал. – А вы, вообще-то...

– Умею ли я водить машину и не поверну ли на ближайшем перекрестке на тот свет? – с едва уловимой, щадящей иронией продолжила Вадькину мысль таксистка.

– Ну да. Права-то у вас есть, надеюсь?..

Такси выехало на вторую полосу и прибавило скорость.

– А куда мы едем? – забеспокоился Ходасевич. – Я же ничего не сказал!

– Так говорите скорей! – властным тоном потребовала таксистка и неожиданно расхохоталась – весело, заразительно. Ходасевич посмотрел на нее и подумал: «А ведь красивая баба!» Потом, секунд через десять, еще: «А, может, ну ее, эту выставку?»

– Нет! – словно прочитав его мысли, отрезала таксистка и снова улыбнулась. Затем совершенно серьезным тоном добавила. – Нет, мужской человек!

На такси накатила слепящая волна света, мягко обтекла лобовое стекло, дверцы, крышу и, торжествуя и блестя, устремилась дальше, заливая улицу и фасады домов. Мир вокруг преобразился, налитый энергичным солнечным светом. По всем приметам, казалось, наступили теплые апрельские деньки, а не ранневесенний мартовский день.

– Вам не приходит на ум аналогия прекрасного сегодняшнего дня с библейским сюжетом? – затормозив у светофора, спросила таксистка. – Помните, когда Моисей повел за собой египетских рабов, фараон послал в погоню за ними войско?

Ходасевичу стало неловко: он никогда толком не читал Библию.

– Ну как же? Вспомните: Моисея и его людей спасло чудо! Море вдруг расступилось и спасло их, пропустив по обнажившемуся дну. Так и этот денек. Бог словно пожалел нас,

баб, перенес сегодняшний день в будущее, в апрель или май. А завтра ход времени, скорее всего, вернется на круги своя и опять наступит зимняя весна.

– Зимняя весна, мужской человек... Как-то странно вы выражаетесь, – заметил Вадька и глянул искоса на таксистку. Ее высокие скулы расцвели двумя розовыми, не утратившими еще свежести бутонами щек – женщина улыбалась. Ходасевич вдруг разозлился. – Если вы такая умная, что ж не открыли свою фирму?... Или... или не сидите дома и не управляете своим мужем? А не этим задрыпанным «фордом»?!

– Чем вам не нравится мой «форд»? Он надежнее большинства мужских людей! – мягко упрекнула таксистка. В ее голосе Вадька к своему неудовольствию уловил то же природное сопротивление, которое свойственно, например, меди или золоту – мягким, но все же металлам.

– Ну вот опять – «мужских людей»! Сказали бы просто: «Ненавижу мужчин! Они такие-сякие, зарабатывают мало, жрут много! И вообще, толку от них как от козла молока!...» Я тогда бы вас, может, и понял. А то хуже матюка – «мужской человек»! – Ходасевич разошелся не на шутку.

Стресс, которого он безуспешно добивался во время ссоры с женой, наступил только сейчас. И кто его, Вадьку, достал? Какая-то щекастая таксистка, которую он в первый и наверняка в последний раз видит! – Теперь ваша очередь! Признайтесь, что вы такого сделали, чтобы у вашего мужика душа горела, руки горели? Чтобы он не чувствовал под со-

бой ног, не жил, а летал при одной только мысли: «Господи, какая у меня женщина!» А музы кто, черт подери?!

– Моему бывшему мужу музыка была не нужна, – с легкой грустью произнесла женщина. Ответ таксистки, точнее та интонация, с которой он прозвучал, странным образом подействовал на Ходасевича. Отчего-то он почувствовал себя пристыженным, но не подал вида, наоборот, грубовато заметил:

– Поэтому он вас и бросил. Мужчина без музыки что евнух без яиц!

– Как образно! – усмехнулась женщина и с живым интересом посмотрела на пассажира. Но уже в следующую секунду огонек в ее глазах потух. К ней опять вернулось отчужденное, рабочее выражение лица. – Приехали. С вас семь гривен.

Такси, пропетляв по рассвеченному вдоль и поперек скороспелым весенним солнцем лабиринту городских улиц, заехало во двор безликой девятиэтажки и вдруг оказалось в оазисе частных домов. Проехав еще метров двадцать вдоль свежевыкрашенного в озорной желто-лимонный цвет низкого штaketника, затормозило у затейливой резной калитки. От калитки к дому, сложенному из необычного зеленоватого камня и пославшему впереди себя дозор из десяти молодых фруктовых деревьев, вела чисто выметенная дорожка. Между черными деревьями, от одной ранней проталины к другой ходили белые и рыжие куры и бойко клевали сонное

тело земли. От открывшегося старогородского пейзажа повеяло духом прошлого – старым двориком на окраине далекого отсюда, как Вадькино детство, подмосковного Одинцова, где двенадцатилетний мальчик впервые поцеловал девочку... Одновременно этот странный ансамбль – желтый забор, зеленый дом, рыжие куры – напомнил Вадьке модные сегодня дурацкие псевдолоубки, выставляемые местными художниками на лакированных лавках в центре Сум.

– Ну нет. Сначала вы мне объясните, как ваш бывший муженек обходился без музыки, раз вы сами об этом заговорили! – неожиданно заупрямился Ходасевич. – Уверен, наверняка на стороне у него...

– Он мужчина, а не мужской человек! – перебила женщина. Щелкнув автомобильной зажигалкой, она закурила «голубую» «приму-люкс».-А я, наоборот, однажды... Этот момент я совершенно не уследила – однажды я превратилась из любимой женщины в опостылевшего женского человека... Гляньте вокруг: повсюду сплошные мужские и женские люди! Ну признайтесь: вы часто встречаете людей... Не важно, как вы к ним относитесь – с любовью или искренне ненавидите, главное, чтобы... Вот вы, вы можете назвать кого-нибудь из своих знакомых настоящим мужчиной или настоящей женщиной? И с кулаками отстаивать свою точку зрения?

– Ну почему? Довольно-таки часто. Например, жена моя да и я, собственно...

– Перестаньте! Не лгите хоть самому себе! – таксистка так

яростно выдохнула дым, что Ходасевичу почудилось, что то был вовсе не дым сигареты, а злая душа беса – ведь в каждом из нас прячется бес. – Какой ты к черту мужчина вместе со своей клушей женой!

– Ну-ну, потише! Держи свои семь гривен и кати отсюда! – Ходасевич, скорчив брезгливую гримасу, сунул таксистке пятерку и две гривны. Деньги ткнулись в тонкую женскую ладонь и неуклюже полетели из разжатых Вадькиных пальцев на резиновый коврик. Женщина, нацелив на разгневанного мужчину, казалось, готовые взорваться тугие свои щеки, вдруг заразительно, весело расхохоталась. – Тест вы не прошли, уважаемый пассажир!

Вадька ошалевшими глазами смотрел на круглые, как ядерные боеголовки, щеки таксистки.

– Разница между женщиной и мужским человеком одна. Мужчина в любой ситуации остается самим собой – мужчиной. А вы спасовали, поддались на мою провокацию. Поймите, – женщина осторожно коснулась руки собравшегося уже выходить Ходасевича. – Неужели вам не интересно услышать мою историю?

Ходасевич встретился взглядом со странной, абсурдной (как, впрочем, и Вадькина жизнь) женщиной. Подумал, что с такой женщиной жить, наверное, очень непросто – ее можно лишь жутко любить или жутко ненавидеть.

– Ну, чего там еще? – буркнул он.

– Еще год назад я была вумен ин лав. У меня было столь-

ко любви, блестящей, переливающейся на солнце, легкой и в то же время плотной и весомой, как платина или золото. Столько любви! Я носила ее вместо сережек на мочках ушей, вместо кольца на безымянном пальце! Мой муж был очень щедр в любви. Он, а не я для него, был мне музой! С ним у меня было все – любовь, дом, деньги, пляжи Анталии и Адриатики, собственная машина... Тогда я была очень глупая, потому что очень любила. Влюбленная женщина слишком поздно бьет в колокол. Да. Тогда у меня было все... кроме будущего. Это только сейчас я поняла: у женщины, живущей с настоящим мужчиной, нет и не может быть будущего. Только настоящее, волшебное настоящее...

– Он встретил другую, ушел к ней и перенес волшебное настоящее в ее дом. Старо как мир! – ухмыльнулся Ходасевич и с силой толкнул дверцу. Но что-то еще удерживало его подле этой расставшейся со счастьем водительницы.

– Она была моложе меня на девять лет. «Молодость – это одна из мер настоящего», – часто говорил мой бывший муж. Для меня ее молодость стала высшей мерой... Да пошел ты! – снова сорвалась таксистка и неожиданно истеричным голосом закричала вдогонку быстро идущему по выметенной дорожке Ходасевичу. – Теперь я работаю таксистом! Пашу сама на себя и получаю от жизни больше, чем от вас, мужиков, вместе взятых!..

Рыкнув двигателем, «форд» умчался прочь. «Ничего, пройдет. Даст Бог, сегодняшний светлый денек успокоит ее

боль. Чего зря убиваться по мужу? Все равно не вернется. Настоящий мужчина, как она сама говорит, живет настоящим... То ли дело я – мужской человек. Держусь за свою Нинку, как парашютист за стропы парашюта...» Так невесело размышлял Ходасевич, подходя к крыльцу зеленого, будто малахитового, дома. Слева от двери, обшитой чеканкой с неясным, трудно читаемым рисунком, висела доска с претензией на мемориальную. Анфас на Ходасевича смотрела с доски бронзовая морда собаки. Над ее стоящими торчком ушами значилась надпись, отлитая из корявых букв: «Собака баска Вилли. Бар». Под собачьей мордой Вадька прочел другое: «Итс гав лайф». Шагнув в сени, Ходасевич наткнулся на что-то гремучее. Чиркнул зажигалкой – огонек выскочил, как крошечный джинн, и осветил кусок стены, щедро испещренной какими-то надписями. «Может, здесь прячется мое вдохновение?» – с грустью подумал Вадька и прочел на стене: «Мы не рабы, бар не раб!» Из-за двери, ведущей дальше в дом, доносились низкие ритмы барабанов и бас-гитары – казалось, там идет не обещанная выставка, а шальная дискотека. Вдруг, заглушая музыку, раздался тяжеловатый, будто настоянный на хлебной бражке, с цепляющей слух хрипотцой женский смех. Когда так смеется женщина, оказавшийся рядом с ней мужчина невольно задумывается, что он скажет наутро жене. «Вот и Катарина!» – облегченно вздохнул Ходасевич и смело отворил дверь.

В баре, битком набитом людьми, было густо накурено. По ушам хлестнула громкая музыка, будто и вправду Вадька попал на техно-пати. Вращая головами, двигая плечами, переходя из одного пятачка на другой, квашеным тестом бродила толпа посетителей. Часть ее блестела потертыми джинсами, часть – белыми обнаженными плечами и шеями, восставшими, будто из мрака, из черных и ярко-красных декольте вечерних платьев. «Прямо как майдане Незалэжности перед нашим „Пентагоном“, – невольно сравнил Ходасевич. – Петрович такие же толпы собирает, когда хочет праздника». «Петровичем» звали местного губернатора. Он, приехав в Сумы из крупного города, сохранил любовь к праздничной толчее.

Внимание Ходасевича привлек столб света, почти отвесно падавший откуда-то сверху. Потолок застилал густой, с виду волокнистый, как сладкая вата, сигаретный дым, скрывая от глаз невидимый источник «столботворения». Вадька так и не успел понять, что, собственно, заинтриговало его в потоке, казалось бы, обыкновенного солнечного света. Вдруг дверь за его спиной распахнулась, впуская, видимо, очередного посетителя, и сквозняк, доселе мирно дремавший по углам и закоулкам бара, вмиг очнулся и развеял крахмальный смог. Тут же взгляду Ходасевича открылось маленькое,

с разбитым стеклом оконце в потолке, нет, крыше дома – потолок в этом месте был разобран, словно как раз для того, чтобы освободить дорогу лившемуся в дом потоку света и воздуха. Дверь с шумом захлопнулась, сквозняк поджавшей хвост собакой вновь улегся, дым, напротив, совсем оборзев, полез еще круче вверх, тараня солнечные лучи.

Ходасевича удивило, что в бледно-золотом круге света, растекшемся на полу под окном, не было ни души. Возбужденная, куражающаяся тусовка, будто нечистая сила, обходила круг стороной. Ходасевич вошел и нерешительно встал в центре солнечного лотоса. Запрокинул голову, прищурил глаза, прислушался... Сверху нежно, свежо обдувало лицо, будто дул вентилятор, щедро обмазанный «диолом»... Как ни странно, внутри круга не так донимал гвалт. Ходасевичу точно посчастливилось отгородиться от людского шума, стоило ему только оказаться в том круге света. А может, все это ему только казалось?

Тончайшие золотые нити, нет, золотые лианы струились вокруг, за ними неразумными обезьянами скакали немо орущие люди, и уже минут через... Да кто ж засекал тот момент, когда Вадьку дернуло встать под чердачным окном?.. Ходасевич продолжал тупо стоять, ему стало казаться, что лианы света поднимаются из-под его ног, прямо из заплеванного, замызганного пола, возносятся вместе с сигаретным дымом, которым дышит низкое небо. Вадька почувствовал под коленками внезапную слабость, а на сердце – легкость чу-

десную, словно вместе со смогом и смрадом, царившим во-
круг, уходило прочь, ввысь, все наносное, чужое и грязное,
что скопилось в его душе...

Вадькиных ушей вкрадчиво коснулась музыка – его слух,
только что, казалось, почти полностью утративший чувстви-
тельность, опять оживал. Ходасевич узнал Джорджа Майк-
ла, поющего на концерте своего закадычного друга Лучиано
Паваротти. Фрагменты этого концерта совсем недавно кру-
тил Эдуард Николаевич – пенсионер-диджей с радио «Все-
свит»...

Хорошо, черт подери! Ходасевич, улыбаясь беспричинно,
неуклюже кружился в центре большого солнечного пятна.
От Вадьки упала тень, своевольно отделилась, сделалась гра-
циозной, пластичной. Затанцевала дерзко, свободно, вызы-
ваяюще извиваясь бестелесным силуэтом. Ходасевич от удо-
вольствия даже крякнул, наблюдая прямо-таки языческую
или восточную пляску тени. Затем украдкой, боясь вспуг-
нуть неизвестную плясунью, обернулся, надеясь встретиться
взглядом с той, что так откровенно говорила с ним языком
танца... Позади, по-прежнему обходя стороной солнечный
круг, сновали праздные люди, среди них мелькало ярко-алое
платье красавицы, но ни она, ни какая другая фланировав-
шая рядом женщина не отбрасывала пляшущую тень. Мо-
жет, то, что не под силу земной женщине, обычный дар...
музы? А кто его знает!

Золотые лианы поблекли, будто спагетти, их втянуло на-

зад небо, солнечный круг вдруг растаял (по всей видимости, над чердачным оконцем нависла туча), на его месте тут же затопали десятки неразборчивых ног, оконце исчезло за сигаретным облаком. «Хорошо, если откровения случаются хотя бы раз в жизни», – вздохнул Ходасевич. Ему нестерпимо захотелось промочить горло. «Водки бы», – скромно пожелал он.

В самый ответственный момент бармена не оказалось за стойкой. Ходасевич духом не пал, довольствовался малым, зато на шару: на стойке стояла початая бутылка вьетнамской водки «Хо Ши Мин» со звездой на этикетке и змеей в сорокаградусном зелье. Вадька решил носом не воротить и воспользовался случаем. Выпив гадкой водки, сглотнул соленую маслинку, как бы случайно наколотую на кончик вилки, потом, наколов той же вилкой змейку, закусил ее перченым, проспиртованным мясом. Наливая вторую рюмку, справедливо подумал, что не все то, что абсурдно, так уж и паскудно. «Лишь бы жизнь вкусней и гуще... Эх, салатика бы!»

Слегка охмелевший взгляд Ходасевича вдруг уперся в громадный кочан капусты, насаженный на шампур. Шампур ручкой вставлен был в массивный подсвечник, стоявший на столике в центре зала. Столик был одним-единственным. Вокруг него, сменяя друг друга, беспрерывно кружила тусовка. Одной рукой люди сжимали стаканы с темным или прозрачным вином и время от времени подносили их к влажному рту, другой по очереди срывали капустные ли-

стья. Листья, как следы снежного человека, усеяли темную замызганную поверхность стола. Несколько бледно-зеленых листков упало под стол.

– Что это? – кивнув на кочан капусты, спросил у возникшей перед ним Катарины Вадим Ходасевич.

– Здравствуй сначала! – улыбнулась ему Катарина. На вид ей было лет двадцать пять, в глазах – целая вечность. – Ну, как я тебе в этом платье? – девушка крутанулась перед Вадькой на левой ноге. Полы длинного ярко-алого платья взметнулись синхронно с взлетевшими прядями светлых волос. – Ну, как тебе моя шелковая инсталляция?

– Нормально. То есть восхитительно. Но ты не сказала, зачем эта капуста.

– Это – стриптиз.

– Стри... Что это, прости, я не расслышал? – Ходасевич поморщился от стоявшего вокруг жуткого гвалта (казалось, что каждый из приблизительно тридцати присутствующих сейчас в баре одновременно разговаривает не только друг с другом, но и вслух сам с собой) и наклонился к Катарине, коснувшись щекой ее надушенных чем-то неземным волос. Прямо в Вадькино ухо Катарина рассмеялась опять тем хрипловатым смехом, от которого у отдельных мужчин пропадает желание решать дела по телефону, смотреть по телевизору футбол и строить с семьей планы на будущее.

– Вадик, ну какой ты недотепа! Неужели не очевидно, что это стриптиз? Стри-и-птиз! – Катарина, сложив капризные

губки, дурачась, топнула ножкой. – А капуста, разумеется, стриптизерша!

– Капуста?! – Вадька перевел обалдевший взгляд с Катарины на капустный качан. Полуоборванный, он так похудел, что теперь, когда Ходасевич был осведомлен о его необыкновенной роли, походил на затасканную девочку-подростка.

– Но это еще не все! – Катарине, видимо, понравилось интриговать Ходасевича, она съедала его большими бледно-зелеными, цвета разведенного виноградного сока, глазами, шлепая вместо жадных губ длинными ресницами, и запивала свой восторг Вадькиной растерянностью. – Это только первая часть марлезонского балета! Потом тот, кто последним разденет стриптизершу... – девушка рукой церемонно обвела толпу, сбившуюся вокруг капусты, – должен раздеться сам!

– У-у? – вопросительно промычал Ходасевич, окончательно лишившийся дара речи.

– Да, такие наши правила. И ребята согласны. Видишь, сколько добровольцев!

Ходасевич посмотрел. Вокруг стола сновали и хищно щипали несчастную капусту неизвестные ему люди в потертых джинсах и умопомрачительных вечерних платьях. Вдруг он разглядел показавшуюся ему знакомой физиономию.

– Черт, неужто это Том?

– Ты кого-то узнал? – Катарина с любопытством и вдобавок с нескрываемой ревностью уставилась на дурачащихся

гостей. – Кто там, Вадик?

– Невероятно! Катарина, что у тебя делает толстый Том?

– Ты имеешь в виду Артема Струтинского?

– Это для тебя он Артем, а мне, когда я ему делал унитаз, он представился Томом.

– Ты ему делал унитаз?! – теперь настала очередь удивляться Катарине.

– Ну да, два месяца назад. Том сказал: «Сделай такое, чтобы другие усрались от зависти!» Ну я и сделал. Со свистком. С того времени Тома запоры мучают.

– Унитаз со свистком?! – захлебываясь от восторга и одновременно умирая от зависти, расхохоталась Катарина. – Вот это клево!

– Это что! – польщенный, Вадька хотел было продолжить рассказ о других своих приколах, но в этот момент кто-то сзади хлопнул его по плечу, и Вадька обернулся.

– Здравствуйте, Вадим. Вы зачем до смерти напугали мою жену?

Перед Ходасевичем нос к носу вырос, предстал собственной персоной Василий Иванович Сахно, чиновник с солидным, еще двадцатисемилетним советским госстажем. Василий Иванович поддерживал под левый локоть свою супругу Нику Владимировну. Увидев ископаемого чиновника, Вадька вздрогнул и невольно попятился.

– Ну-ну, полноте, Вадим. В любом случае я вам очень благодарен. Вы сумели отвадить Нику от коньяка, и теперь я

экономлю десять-двенадцать бутылок в неделю.

– Вадим вам тоже... унита́з со свистком поставил? – не сдержала бывшего через край любопытства Катарина.

– Катарина, что ты такое говоришь? – смутился Вадька.

– Нет, про унита́зы со свистком я ничего не знаю! А ты и такое можешь, Вадим? – громко, по-начальственному загоготал Сахно. – Да-а, я вижу, ты парень не промах. Девушка, – Сахно обратился к Катарине и вдруг замолчал, упав взглядом на Катаринину роскошную грудь. – О-о, как вы сегодня очаровательны!

– Вася, будь последовательным! – нетвердым, как плавленый сыр, голосом произнесла Ника.

А Ходасевич, почувствовав ее резкое и густое, как воздух на ликеро-водочном заводе, дыхание, тут же прикинул, сколько бутылок коньяка в неделю не удастся сберечь г-ну Сахно. – Вася, ты начал говорить о той мерзкой выходке этого мерзкого господина, – Ника, с трудом подняв подбородок, кивнула на Ходасевича, – за которую он взял с нас немалые деньги. Вася, ты слышишь?.. Ты начал говорить... ик!.. и не договорил, – Ника устало качнула головой, пару раз уронив ее себе на плоскую грудь.

– Ника, прошу тебя! Ты слишком много говоришь! – поморщился Сахно. – По просьбе своей жены, я договорю, в чем тут дело. Вас зовут, кажется, Катарина?

– Катарина Май, – Катарина, нарочито жеманничая, слегка приподняв полы своего длинного платья, сделала а ля ре-

веранс, – художник-ке...

– Не ври! Я-то тебя знаю! – грубо перебила Ника. – С каких это пор у тебя новая кликуха?

– Ника, фи! – повысил голос на жену Сахно. – Возьми себя в руки, иначе мы сейчас же уедем отсюда!

– Васечка, не надо! – пьяным голосом закланчила Ника, отчего всем троим сразу стало очень неловко. – Но какая Катька, к е... матери, Май?! Когда она всю жизнь была...

– Ну успокойся, слышишь, коза! – неожиданно оборвала ее Катарина. В голосе ее зазвучало столько ненависти, что Ходасевич, в первую секунду разинув от изумления рот, в следующую поспешил рот захлопнуть, дабы Катарина злость не проникла ему внутрь. – Подумаешь, цаца! Ну и что, что фамилия моя Майборода? Если б я хотела, в свое время моя фамилия даже не Сахно бы была, а... а... Дашутина! Во!

При слове «Дашутин» старый чиновник вздрогнул, сгорбился и машинально обернулся: мол, нет ли людей Дашутина позади.

– А что ты сделала с остальной частью фамилии? – дабы хоть как-то разрядить обстановку, поинтересовался Ходасевич.

– Я поделилась ею со своим прежним бой-френдом. Правда, этот кретин так и не сумел ею воспользоваться – до сих пор у него на подбородке, как у козла, растут три жалких волоска!

– Ну ты и завелась не на шутку! – снова попытался спа-

сти положение Ходасевич. – Кстати, Катарина, я ведь сюда не ради стриптиза приехал, а чтобы взглянуть на твою выставку. Как она, кажется, «Времени упор» называется?

– «Времени запор», – уже миролюбивым тоном поправила Катарина. – Пойдем, я покажу. Она в соседней комнате.

– Подожди, Катя. А про какой это стриптиз сказал... ик... этот гадкий господин?

– Сама ты... – начала было снова Катарина, но, встретившись взглядом с умоляющими глазами Ходасевича, передумала браниться и просто махнула рукой в сторону не прекращающей кружиться тусовки. – Вон там. Поспеш, а то стриптизершу без тебя разденут! – и расхохоталась низким хрипловатым смехом.

Когда они уже выходили из прокуренной, наполненной бесшабашным весельем, безмерным хохотом и пьяными вскриками комнаты, до них донесся счастливый, победный Никин клич: «Вася, я ее раздела!»

– Вот дура! – не удержавшись, прокомментировала Катарина. – Теперь тебе придется шмотки с себя скидывать. А ведь ты плоская, как мой гончарный круг!

– Ну-ну, Катарина! Ты ж такая вежливая сначала была! – мягко осадил художницу Ходасевич. – Лучше показывай, где тут «Времени...» А-а, вот оно что!

Оказывается, столы из большой барной комнаты перекочевали в малую, предназначенную, видимо, для изолированных попоек. Столы были составлены в виде ломанной кривой и ломились, но не от яств, а от керамических штучек.

– Вот это да! – подивился обилию изделий из светлой и темной глины Ходасевич. – Наверное, не меньше года на это ушло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.